

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Нины Дмитриевны Шафаренко «Поэзия Юрия Левитанского: особенности образной выразительности», представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук (специальность 10.01.01 – русская литература)

Диссертация Н. Д. Шафаренко обращена к творчеству одного из самых крупных русских поэтов второй половины XX века – Юрия Левитанского. Широкую и нейтральную формулировку названия работы («средства образной выразительности») стоит сразу же конкретизировать: речь идёт о психосоматической поэтике, об образности визуальной, акустической и тактильной. В последнее время эта грань лирики, открытая наукой по-настоящему лишь в постсоветскую эпоху, вообще привлекает всё большее внимание исследователей, и применение данной методики к творчеству Левитанского более чем оправдано. У него такая образность в самом деле очень важна и определяет собою многое в его поэтическом мире.

Вводная часть диссертации содержит, в соответствии с требованиями жанра, постановку проблемы, краткий содержательный обзор написанного о поэзии Левитанского, раскрывает своеобразие его творческого пути. Диссертация и становится во многом ответом на вопрос: почему поэт, начинавший, по мнению критиков, как «один из многих», выдвинулся в первый ряд своих литературных современников. Тяготение его к лирической психосоматике и есть одна из ключевых причин такого роста. Здесь же исследовательница определяет важнейший историко-культурный ориентир, помогающий раскрытию проблемы: поэзия акмеизма, с её пристальным вниманием к детали, к факторам предметного восприятия мира – в том числе через лирические «рецепторы» (только что, в конце апреля, в Волгограде защищена кандидатская диссертация К. Н. Гушиной о творчестве Владимира Нарбута, написанная именно в таком ключе). Несмотря на то, что в отдельных работах о поэзии Левитанского эта сторона его лирики уже

затрагивалась, целостного и подробного анализа её в науке предложено пока не было. Этим предопределены актуальность и научная новизна избранной автором темы.

Работа структурирована в соответствии с книгами Левитанского, в каждой из которых акцентирована какая-то грань (или грани) психосоматической образности. Методологически это верно: дело в том, что в поэзии Левитанского как мало у кого из его современников значимо понятие книги стихов как не просто совокупности написанных за какой-то период стихотворений, а как некоего поэтического единства, со своей архитектурной, со своим внутренним сюжетом. В трактовке автора диссертации, поэтическая книга зрелого Левитанского – «метажанр»; можно было бы добавить – «метакнига». Речь идёт, конечно, о книгах семидесятых – восьмидесятых годов. Их у поэта немного (вероятно, как раз потому, что это «больше чем книги»), всего четыре, и в диссертации Н. Д. Шафаренко каждая из них рассмотрена крупным планом.

В первой главе прослеживается эволюция визуального начала в творчестве поэта. Здесь проявляется важная методологическая особенность всей работы – мотивный анализ. К этому располагает сама природа визуальности, предполагающая интерес к детали, к подробности. В числе выделяемых и рассматриваемых автором работы ключевых мотивов – мотивы «гаммы цветосочетаний», соотношения «видимого» и «невидимого», «обесцвеченности», «закрытых глаз», окон как «глаз дома»... Тонко выявляя семантику каждого из этих мотивов, Н. Д. Шафаренко убедительно показывает, как менялось от книги к книге зрительное восприятие мира лирическим героем. Если в «Кинематографе» (само название книги уже визуально) доминировала визуальная «всеохватность» (напомним названия ключевых стихотворений книги: «Как показать лето», «Как показать осень» и так далее), то в книге «День такой-то» поэтическое зрение становится более пристальным, что достигается его сфокусированностью, в отличие от панорамности в предыдущей книге. В третьей книге – «Письма Катерине...»

— происходит объёмное расширение лирического пространства. Н. Д. Шафаренко метко формулирует это так: «Кинематограф» – книга «вширь», «День такой-то» – книга «вглубь», «Письма Катерине...» – книга «ввысь». Книга же «Белые стихи» (последняя при жизни поэта) трактуется в этом смысле как своеобразный эпилог творчества Левитанского. Отмеченная диссертанткой в цветовой гамме последней книги (и даже в её названии) ведущая роль белого цвета как цвета смерти парадоксально – и в то же время закономерно – сплетается с «мраком» потустороннего бытия, на пороге которого находится лирический герой.

Нам думается, что этой главе, в целом логичной и доказательной, не помешала бы и рефлексия (пусть краткая) по поводу проблемы хронотопа, в частности – хронотопа в лирике. Это придало бы изложению материала и самой концепции главы большую убедительность, тем более что автор обращается не только к категории пространства, но порой и к категории времени – скажем, там, где Левитанский сравнивается с Кушнером («Время – это испытанье...»). Ещё нам думается, что здесь можно было бы активнее использовать опыт кино – сам поэт, называя свою книгу «Кинематограф», как бы подсказывает нам органичность такого сближения. Между тем, в целом методологическая оснащённость главы вполне внушительна. Автор опирается на высказывания о визуальности как классиков эстетической мысли (Лессинг, Белинский), так и исследователей русской поэзии XX века (например, В. Н. Альфонсова). Такая опора ощутима и в других главах.

Вторая глава диссертации обращена к акустическому началу в поэзии Левитанского. Автор и здесь рассматривает книги поэта в диахронном аспекте. В «Кинематографе», согласно предложенному диссертанткой анализу, при осязаемой связи акустического начала с визуальным, второе пока преобладает, хотя и первое уже значимо. Об этом говорят и повторы, и мотивы голоса, крика, музыки, капли... В «Дне таком-то» «лексика звучания» усиливается. Акустическая гамма становится более динамичной и даже драматичной («крики, стенанья, молитвы, проклятья, отчаянье, вопли

отчаянья»). С другой стороны – во второй книге акцентируется мотив «тишины» как оппозиция нарастающему тревожному звучанию мира. В целом автору видится в «Дне таком-то» «равноправие звука и цвета» (с. 60). В «Письмах Катерине...», с усилением ощущения «неподвластности зрению» (с. 61), усиливается акустическое начало, появляется мотив «голоса свыше», «вещего голоса», шумового фона и так далее. Возможно, это объясняется историко-культурной дистанцией (тема Фауста, элементы стилизации...) между автором стихов и, условно говоря, материалом – хотя и понятно, что «материалом» является в любом случае душевный мир самого поэта. В книге же «Белые стихи» акустическое начало становится, как показывает автор диссертации, довлеющим: приближение смерти ассоциируется с «криком» и «тишиной», визуальность редуцируется – отчасти благодаря преобладанию, как было уже сказано выше, белого цвета.

Мы видим, что предложенная Н. Д. Шафаренко концепция соотношения визуального и акустического в поэтике Левитанского отличается чёткостью и логичностью: по мере нарастания одного ослабевает другое, и наоборот. Вообще, визуально-акустическая (прежде всего, конечно, визуальная) насыщенность поэзии Левитанского не восходит ли (помимо того же кинематографа) к искусству импрессионизма, которым увлекались сверстники героя диссертации – Александр Межиров и Михаил Анчаров? В работах о том и другом поэте это отмечалось, а по отношению к Левитанскому, насколько мы знаем, – пока нет. Нам кажется, такой ракурс мог бы обогатить работу. И выскажем одно частное замечание по этой главе: автор придаёт значение названию книги Окуджавы «Арбатский романс» в свете проблемы акустического, но книга эта – посмертная, и название её свидетельствовать о творческой воле поэта не может, хотя сами по себе наблюдения диссертантки над музыкальными образами Окуджавы, безусловно, верны.

Третья глава диссертации посвящена категории тактильности. Сразу скажем, что содержание этой главы, которую можно назвать

кульминационной и итоговой, шире её названия. Характер тактильности, полагает автор диссертации, в каждой из книг поэта во многом зависит от того, преобладает ли в ней визуальное начало или начало акустическое. Так, в «Кинематографе» (этой книге посвящён первый параграф главы) тактильность обладает своеобразной «раскадровкой», при которой «руки» – ключевой для тактильности образ – воспринимаются именно визуально («пятна крови, нарисованной густо на руках и ногах» и т. п.). Вообще мотив рук, как явствует из работы Н. Д. Шафаренко, у Левитанского чрезвычайно разработан, насыщен многообразной семантикой, но для автора диссертации он (мотив), конечно, прежде всего – тактильный.

Второй параграф главы посвящён книге «День такой-то». Нам показалось, что тактильное начало в этом параграфе просматривается менее чётко, чем в предыдущем. Довольно большой объём текста посвящён здесь мотиву времени; все соображения автора интересны и точны, но с категорией тактильности они связаны всё-таки косвенно. И вообще, само понятие тактильности здесь нуждается в более чёткой дефиниции. Например, мы предложили бы отличать собственно тактильную образность от метафорической, где тактильность выступает как основа переносного значения (например, в строке «был воздух морозный упруг»). Кроме того, автор включает в число тактильных образов такие, которые связаны не с осязанием, а с другими органами чувств («будут и горше страницы», «пахнет грозью, в погоде видна перемена» и проч.; см. с. 126).

Между тем, логика исследования Н. Д. Шафаренко ведёт к третьей книге поэта – «Письма Катерине...», в которой она усматривает «сенсорное многообразие». Согласно концепции автора диссертации, эта книга оказывается наиболее насыщенной визуальными, акустическими, тактильными мотивами в их синтезе. Соответственно, меняется и само качество этих поэтических «рецепторов». Так, в частности, в работе сказано, что «если тактильность первой книги стихов была сосредоточена на чувствовании мира, второй – осознании в нем себя, то сейчас она направлена

на «отношение к» – любимой, другим, миру» (с. 135). Последняя же книга, «Белые стихи», трактуется в данной главе как «книга о непонимании», поэтому три ключевых для диссертации аспекта истолкованы здесь как драматически разобщённые. Например, «противоборство тактильного и акустического» представляется исследовательнице как противоборство «жизни и смерти» (с. 152). Здесь важны мотивы движения, тяжести, тепла и холода и другие, подвергнутые в работе внимательному текстуальному анализу.

В итоге в диссертации выстраивается стройная концепция психосоматических мотивов в лирике Левитанского. Нам думается, что, при всей убедительности её, работа выиграла бы, если бы объём глав был более сбалансирован. Третья глава по объёму перевешивает две другие, вместе взятые. Кроме того, она фактически шире своего названия, ибо в неё речь идёт не только о тактильности, но автор возвращается и к визуальности, акустичности. Может быть, стоило бы разбить её на две, продумав распределение материала? И ещё: можно было бы заострить формулировки названий глав, и особенно параграфов, в третьей главе (в двух первых главах параграфов нет) в сторону большей проблемности. Всё-таки название параграфа «Выразительность “Дня такого-то”» не слишком выразительно.

Список использованной литературы свидетельствует о широкой и полной проработке темы. Можно было бы дополнить его монографией Л. Е. Ляпиной «Сенсорная поэтика в русской литературе XIX века» (Саарбрюккен (Германия), 2014) – хотя и посвящённой другой литературной эпохе, но важной для темы рецензируемой диссертации в методологическом ключе.

Наши замечания касаются, однако, частных и не влияют на общую высокую оценку работы. Автор диссертации проявил себя как самостоятельный и сложившийся исследователь. Концепция работы убедительна; конкретные наблюдения над текстом точны и содержательны. Диссертация имеет практическую значимость: её материалы могут быть использованы в вузовском преподавании, в средней школе на уроках

внеклассного чтения и факультативных занятиях. Язык и стиль работы соответствуют диссертационному жанру. Опечатки единичны и не портят общего впечатления от работы. Автореферат и публикации полно отражают её содержание.

Диссертация Нины Дмитриевны Шафаренко соответствует требованиям, предъявляемым пунктом 9 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 октября 2013 года, № 842, а её автор заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук
(специальность 10.01.01 – русская литература),
профессор кафедры литературы
ГОУ ВО МО «Государственный социально-
гуманитарный университет»,
ул. Зелёная, 30, г. Коломна, Московская обл., 140410,
тел. 8 (496) 615-13-30
<http://gukolomna.ru/>, mgosgi@gmail.com

Против включения персональных данных, заключённых в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

ku

Кулагин Анатолий Валентинович

